

Паника овладела толпой, превратив всё вокруг в хаотичный, оглушительный водоворот. Чу Вэй впервые оказался в подобной заварухе и поначалу растерялся. Однако стоило шифу явиться и встать плечом к плечу с ним, как вся тревога и суета мгновенно улетучились, а на душу снизошёл абсолютный покой.

Чу Вэй справился с волнением и тихо спросил:

— Шифу, что нам теперь делать?

Голос Хуа Жуна звучал всё так же лениво. Растягивая слова своим характерным низким, бархатистым тоном, он произнес:

— Хороший мой ученик, одолжи-ка мне своё тело на пару минут.

— Одолжить тело?.. — только и успел вымолвить Чу Вэй.

Договорить он не успел. В то же мгновение в его меридианы хлынул поток невероятно мощной, сокрушительной силы. Чу Вэй по-прежнему всё видел и чувствовал, но полностью утратил контроль над собственным телом.

Мечущиеся в панике люди так и замерли. Юноша, который только что едва успевал отбиваться от нечисти, вдруг легко оттолкнулся от земли и взмыл в воздух. В мгновение ока он оказался на ветке раскидистого дерева, нависавшего над ними. Небрежным движением сорвав тонкий зелёный листок, он поднёс его к губам.

Напевной струёй полилась мелодия. Казалось бы, в его руках был обыкновенный листок, но вылетающие звуки ласкали слух и завораживали своей чистой, неземной красотой.

Очарованные этой музыкой, люди застыли на месте. Как один, они задрали головы, заворожённо глядя на ветку, где стоял юноша, больше похожий сейчас на сошедшего с небес бессмертного небожителя.

На нём была самая обыкновенная белая футболка да застиранные до блеклости светлые брюки, но от всей его фигуры веяло таким неопишуемым величием и торжественной строгостью, что одного взгляда хватало, чтобы почувствовать благоговейный трепет и смиренно потупить взор.

Селяне слышали лишь чарующие звуки, но в воздухе, недоступная обычному взору, бурлила колоссальная духовная энергия. Волнами расходясь во все стороны, она, точно всепоглощающий прилив, выжигала и растворяла скопившуюся тьму. Мрачная мгла отступала, возвращая миру первозданную чистоту и свет.

Злые духи рассеялись, жуткий хохот стих. Оцепеневший дядя Чжан обмяк и повалился

навзничь. Из его груди вырвалась струйка чёрного дыма и бесследно растаяла в чистом утреннем воздухе.

Перед глазами снова была привычная сонная деревня, и пространство у ворот приняло свой обычный вид. Всё произошедшее казалось кошмаром, от которого они наконец-то очнулись.

Опустив руку, Чу Вэй плавно прыгнул на землю. Перед ними стоял всё тот же юноша, но теперь в его облике сквозила такая острая, подавляющая сила, что стоящие рядом люди невольно попятились назад, боясь даже вздохнуть лишний раз.

Чэн Даню шумно сглотнул, так и не решившись сделать шаг навстречу другу.

Вокруг воцарилась гробовая тишина, длившаяся до тех пор, пока чужая мощь окончательно не покинула тело Чу Вэя.

Люди медленно поднимались с земли. Глядя на лежавших без чувств супругов Чжан, никто не смел проронить ни слова — каждого переполняло пьянящее и одновременно пугающее чувство чудесного спасения.

Ведь пережитый ужас всё ещё стоял у них перед глазами.

Как только шифу ушёл, леденящая аура неприступности вокруг Чу Вэя рассеялась, и окружающие наконец-то смогли смотреть на него без страха.

Староста немного помедлил, но всё же набрался смелости и подошёл ближе. Только на этот раз в его поклоне и жестах сквозило глубочайшее, почти благоговейное почтение.

— Чу Вэй, от лица всей нашей деревни я низко кланяюсь тебе за спасение наших жизней.

От его недавней спеси, криков и упрёков не осталось и следа — на лице старосты читалось лишь безмерное облегчение выжившего.

Чу Вэй стоял неподвижно, молча принимая эту благодарность за своего великого шифу.

Когда волнение улеглось, староста осторожно поинтересовался:

— Чу Вэй, а откуда у тебя такие... невероятные способности?

— Меня обучил один великий мастер, — спокойно ответил Чу Вэй. — Но он запретил мне называть своё имя, так что я не могу ничего рассказать.

Секрет его шифу должен оставаться тайной, принадлежащей только им двоим.

Помня, какую грозную силу Чу Вэй явил мгновение назад, староста не посмел настаивать. В его глазах этот юноша перестал быть сиротой, на которого можно безбоязненно орать или вешать всех собак.

Деревенские робко косились на него. Они и раньше-то не особо с ним общались, а теперь между ними и вовсе выросла незримая, неодолимая стена.

Люди только было перевели дух и приготовились делиться бурными эмоциями, как новые слова Чу Вэй заставили их сердца сжаться от ужаса.

— Нечисть не уничтожена. Мы лишь временно отбились. Тварь вернётся. Вернее, они вернутся все вместе.

Толпа оцепенела, будто её снова парализовало призрачным страхом. Никто не мог вымолвить ни слова.

— И что нам теперь делать? Они правда вернутся?

— Меня чуть не задушили! Если это повторится, нам конец!

— Это они... Это точно они пришли мстить!

— Я не хочу умирать! Надо уезжать отсюда, бросать всё и бежать!

Поднялся панический гул, страх сковал разум каждого жителя.

Мошенник, выдававший себя за почтенного даоса, и вовсе проклинал тот день, когда решил связаться в это дело. Мало того что лёгких денег не заработал, так теперь ещё и шкурой рискует заплатить за собственную глупость.

Но сокрушаться поздно. Единственное спасение — если кто-то сможет выжечь эту скверну раз и навсегда. С этой мыслью лжедаос устремил полный надежды взор на Чу Вэя. Сам он был всего лишь дешёвым трюкачом, а вот стоящий перед ним парень — настоящим, могущественным заклинателем.

Впрочем, не он один пришёл к этому делу. Вся толпа теперь преданно и умоляюще смотрела на Чу Вэя, ожидая, что он укажет им путь к спасению.

Слегка склонив голову набок, Чу Вэй смерил старосту долгим, многозначительным взглядом:

— Выход есть. Но всё зависит от того, согласится ли дядя мне помочь.

Эти слова мгновенно всколыхнули толпу, даруя испуганным людям надежду.

Староста тут же забил себя кулаком в грудь:

— Всё что угодно! Говори, сынок! Ради спасения деревни я расшибусь в лепёшку, но сделаю всё, что велишь!

Чу Вэй слегка кивнул:

— Отлично. Тогда расскажи мне, дядя, что на самом деле произошло во время того страшного пожара двадцать лет назад?

На площади мгновенно воцарилась ледяная тишина. Всеобщую радость как ветром сдуло.

Трагедия двадцатилетней давности была для деревни негласным табу, страшной тайной, которую никто не осмеливался ворошить.

Ночная тьма понемногу рассеивалась, уступая место рассветной серости. Контуры деревьев и домов медленно проступали сквозь туманную дымку раннего утра, зыбкую и прохладную.

Чу Вэй не собирался клещами вытягивать из них признания прямо сейчас. Прикрыв рот рукой, он едва заметно зевнул и небрежно добавил:

— Что ж, почтенные дедушки, бабушки, дяди и тёти, возвращайтесь-ка по домам. Все устали за ночь, пора отдохнуть. Дело это не к спеху. По крайней мере, до следующих сумерек нечисть нас не побеспокоит.

Договорив, он развернулся и неторопливой походкой направился прочь.

Люди растерянно смотрели ему вслед. Те, кто помнил события минувших лет, безмолвно уставились на старосту.

Чэн Даню покрутил головой, переводя взгляд с одного соседа на другого, и в итоге припустил за другом. Тот не просто спас его верного пса, но и уберёт от гибели всю деревню. В глазах Даню его лучший друг в один миг превратился в величайшего героя.

Догнав его, Даню мгновенно позабыл о былой робости. Его привычное легкомыслие взяло верх:

— Чу Вэй, черт меня дери! И когда это ты успел стать таким крутым? Как ты это провернул?

Чу Вэй с трудом приоткрыл сонные глаза и вяло отозвался:

— Не помню уже.

— Слушай, а меня научишь?

— И не думай, — отрезал Чу Вэй. — Это тайное учение школы, чужакам его не передают.

Их голоса постепенно затихли вдали. Толпа во дворе начала расходиться. Староста велел паре крепких мужиков перенести тела супругов Чжан обратно в их дом. Заперев ворота на крепкий засов, селяне поспешили укрыться в своих жилищах.

Вскоре у запертых ворот остались лишь двое дежурных полицейских. Переглянувшись, молодые офицеры пришли к очевидному выводу: чертовщина, творящаяся здесь, явно выходила за рамки обычного криминала. Нужно срочно доложить руководству и передать дело выше.

Оставаться в этом жутком месте им больше не хотелось, поэтому они сели в патрульную машину и поспешили уехать.

— Откуда у этого пацана такие способности? — не выдержал один из них, когда они выехали на трассу. — Я как-то слышал от старших коллег, что делами, которые не поддаются логике, занимается некий Особый отдел. Правда, сам я с ними никогда не сталкивался.

— Я здесь на пару лет дольше тебя работаю, но тоже их не видел, — отозвался напарник, крутя руль. — Особый отдел действительно существует. Просто их деятельность не афишируют, чтобы не сеять панику среди населения. Наше дело — составить подробный рапорт. Наверху разберутся и сами свяжутся с кем нужно.

— А этого ряженого шарлатана кто вообще вызвал? Надо же, «мастер» выискался! Чуть всех на тот свет не отправил.

— Без понятия, вернёмся в отдел — выясним. А про мальчишку... стоит упоминать в отчёте?

— Пиши всё как есть. Не наше это дело — секреты утаивать. Пусть начальство решает.

Патрульное авто скрылось в утренней дымке.

Жители деревни разошлись по домам, пытаясь унять дрожь, но крепким, безмятежным сном забылся лишь один человек — Чу Вэй. Он проспал до полудня, когда солнце уже вовсю припекало сквозь оконное стекло.

Открыв глаза, юноша почувствовал свинцовую тяжесть во всём теле. Мышцы ломило, словно из него подчистую выкачали все жизненные силы.

Сквозь полуприкрытые веки ему показалось, будто у самого края кровати, скрестив ноги, кто-то сидит. Силуэт казался высоким и величественным: незнакомец сидел спиной к нему, облачённый в старинное одеяние с широкими рукавами, а его тёмные волосы волнами спадали до самой поясицы.

Однако стоило Чу Вэю окончательно проснуться и проморгаться, как видение мгновенно растаяло.

— Шифу... — едва слышно прошептал Чу Вэй.

"Здесь я" — тихо отозвался в его сознании мягкий голос Хуа Жуна.

От этого звука сонливость как рукой сняло. Чу Вэй попытался сесть, но руки предательски задрожали от слабости.

"Твоё тело пока слишком хрупкое, чтобы безболезненно выдерживать мою духовную силу, — терпеливо объяснил Хуа Жун. — Отсюда и слабость. Отлежишься день-другой, и всё придёт в норму".

Великий Лаоцзу искренне заботился о своём юном ученике, оберегая его неокрепший сосуд души.

Услышав это, Чу Вэй с облегчением расслабился и поудобнее устроился на подушках. Он медленно протянул руку вперёд, пытаясь наощупь поймать хоть малейшее дуновение прохлады, оставленной аурой шифу.

— Шифу, мне показалось, что я только что мельком видел тебя.

В его голове раздался тихий, довольный смешок:

"Неплохо. Твоё духовное зрение пробуждается, но этого всё ещё недостаточно".

Чу Вэй не совсем понимал, какого рубежа ему нужно достичь, но твёрдо решил усердно тренироваться. Рано или поздно он обязательно увидит своего шифу во плоти.

Шифу обычно являлся лишь на миг и тут же растворялся в небытии, но сегодня его присутствие ощущалось удивительно долго. Пользуясь моментом, Чу Вэй решил расспросить его подробнее.

— Шифу, значит, ты можешь на время занимать моё тело?

"Разумеется, — отозвался Хуа Жун. — Но лишь на очень краткий срок. И только с твоего позволения".

— А где же тогда твоё собственное тело, шифу?

В сознании повисла недолгая, тяжёлая пауза, прежде чем шифу тихо вымолвил:

"Я и сам не знаю".

Чу Вэй опешил. Неужели даже такое великое существо не ведало, где сокрыта его плоть?

Хуа Жун, впрочем, не дал ему погрузиться в раздумья, строго и ровно продолжив:

"Твои духовные каналы ещё не развиты. Твой нынешний сосуд способен пропустить едва ли сотую долю моего могущества. Никогда не полагайся на чужую силу, возвращай свою".

— Я всё понимаю, шифу. Обещаю, что буду трудиться не покладая рук.

Хуа Жун собирался добавить что-то ещё, но его прервал яростный, оглушительный грохот в дверь. С улицы донёсся срывающийся на панику крик Чэн Даню:

— Чу Вэй! Чу Вэй, ты спишь, что ли?! Беда! Случилось ужасное... Наш староста пропал!

<http://bllate.org/book/19040/1916213>